

Представляем нашего нового автора и его произведения. Коренной прокопчанин, Виктор Иванович Давыдов, 1939 года рождения:

— Работал на шахте «Коксовая», с 1959 года — на шахте №3-Збис («Центральная») слесарем подземного транспорта, очистного участка, горным мастером.

Учеба в Прокопьевском горном техникуме на вечернем отделении, затем в Томском пединституте. Попробовал себя во многих профессиях: был молотобойцем, сварщиком, кузнечную работу могу выполнить, слесарь и плотник, раздатчик взрывчатых материалов. На Прокопьевском заводе шахтной автоматики был переводчиком иностранных языков, начальником патентного отдела, инженером по рационализации и изобретательству в ДНТИ «П.О. «Прокопьевскуголь».

Сотрудничал с многотиражной газетой шахты «Центральная», газетами «В бой за уголь», «Шахтерская правда», «Кузбасс», журналами «Семья», «Советский шахтер».

Член Союза журналистов России с 1985 года, автор многих книг.

ПОТЕРЯЛСЯ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОЧЕТНОГО ШАХТЕРА РСФСР МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА ПАРХАНЮКА

Это сейчас спуск и выезд из шахты строгий учет имеют, необходимость которого продиктована неоднократно жизненной действительностью.

Лично мне довелось пережить несколько неприятных часов из-за несовершенства такого учета, имевшего когда-то место. Ну и, конечно же, из-за личной моей неосторожности.

Произошло это в военном 1944 году, как раз в День Красной Армии. Фронтовые сообщения поступали хорошие, настроение у людей было приподнятое — ожидали скорого окончания войны, возвращения родных и друзей. Шахта №3-Збис, впрочем, как и вся угольная промышленность Кузбасса, практически работала на повышенном графике. И мой участок №7, которым я руководил, постоянно перевыполнял план.

В шахту ходил ежедневно. Вот и в тот день, как обычно, направился к шурфу, чтобы спуститься в шахту, лично проверить, в каком состоянии очистные и подготовительные работы. Первым делом направился в верхнюю лаву, здесь у забойщиков работа спорится: Лаптев и Воронов после отпалки обирают кровлю, готовят забой к креплению. Кровля крепкая, надежная — проблем нет.

Перекинувшись парой слов с ребятами, попросил их минутку не сорить, пока я не спущусь по лаве. Спускаясь вниз по лаве, от стойки к стойке, поглядываю в сторону завала, с удовлетворением отмечаю, что лава в хорошем рабочем состоянии, однако пора и новую готовить. Спустившись на промштрек, светильником махнул вверх ребятам: «В лаве никого нет, можно работать!»

Проходя по промежуточному штреку, заглянул в печь, накануне пройденную на обрезной (вентиляционный) штрек. Именно по этой печи и планирую готовить новую лаву.

Думаю: «Дай-ка по этой печке пролезу вверх. Посмотрю, в каком она состоянии. А там, по обрезному штреку, вылезу по шурфу на-гора».

Надо пояснить, что печь эта была

пройдена с перегибом в центральной части — снизу под углом в 45 градусов, а выше пошла круче, уже под углом в 60 градусов. Так угольный пласт здесь залегал.

В месте перелома угольного пласта были вложены два рештака, потому что уголь в месте перегиба приостанавливался и самотеком по почве не шел.

Поднимаюсь вверх, все нормально. Добрался до перегиба, а там уголь стоит откосом! Посветил прожектором аккумуляторной лампы вверх, однако свет слабоват, далеко просветить не могу.

«Это ничего, — соображаю, — выше не должно быть много угля, сейчас я его перепущу вниз и пролезу!» Подтолкнул уголь носком сапога, и он скользит по рештакам, а сверху новая порция потихоньку подползает и у перегиба останавливается. Спихватился только тогда, когда до сознания вдруг дошло, что путь-то назад отрезан, и печь ниже меня заполнена углем.

Оставалось одно — перепускать уголь и дальше, теперь уже, как говорится, через себя: перепускаю уголь понемногу, а сам продвигаюсь вверх. Перегиб становится все круче. И наступил момент, когда уголь больше не мог держаться, и двинулся всей массой, увлекая меня за собой. Я успел только курткой закрыться. Так, чтобы сразу не задохнуться.

Запечатало, конечно же, — ни рукой, ни ногой не пошевелить. «Неужели, — думаю, — погибать придется?» Дышать тяжело — сдавило крепко, однако вскорости полегче стало: ворочаюсь из стороны в сторону, уплотняю уголь по бокам. Он мелкий, из-за влажности клеится, будто глина. И стало мне просторно, словно в большом мешке нахожусь. От такой работы разогрелся, тепло, даже каску снял. А по-над огнивами воздух просачивается. Повеселел даже: жить можно!

Однако что же теперь мне делать в этой глупейшей ситуации? Копаться же через уголь дальше рискованно

но, может еще хуже быть. Остается одно — набраться терпения и ждать.

Почти двое суток в угольном мешке, словно в капкане, пробыл. Но самое обидное, что меня не сразу хватились. Слышу, в лаве работают, палят, уголь выгружают. Потом наступает тишина — меняется рабочая смена. Затем стук кувалды — это крепится лава, бурят угольный забой, и звук отпалки. Считаю: четыре смены прошло, а помощь все не спешит ко мне.

Однако моя жена, как и ожидал, раньше всех тревогу подняла. Не знает, куда я запропастился, конечно же, на шахту прибежала, требует:

— Где мой Парханюк? С ног сбилась, не знаю, где его искать!

Наконец районный инженер П.А. Дисунов, проходя по обрешному штреку, обратил внимание на печь и припомнил, что печь вверху вроде бы была полная до самого верха, а теперь уголь опустился вниз, метров на пять. Послали трех рабочих выгрузить уголь из печи. А те не верят, что могу сюда попасть. Слышу неторопливое: «ширк» лопатой, и тишина. Работают по принципу: «солдат спит, а служба идет» — работнички!

Я же кричать почти не могу, ослаб, однако пытаюсь. Они же, услышав, рассуждают: «Это не Парханюк, он же не крот, чтобы через уголь пролезть! Это в лаве разговаривают — это же надо, какая слышимость в шахте!»

Однако уголь побыстрее отгружают. А как стало осыпаться ближе ко мне, так уже и не кричу, даже дыхание затаил, чтобы уголь, ненароком не двинулся выше меня. И как только достаточно широкая щель образовалась — я и прыгнул вниз. А точнее — выпал из печи. А ребята с перепугу отскочили подальше. Не ожидали вовсе моего появления!

А я закоченел, шевелиться не могу. Такие дела!

Закончив воспоминания, Михаил Григорьевич задумчиво покачал головой, переживая заново тот случай, и закончил словами:

— Ох, ребята! Как важно в шахте не терять чувство осторожности! Это мы потом уже говорим, что случай произошел на ровном месте. А что бы до того, чуть-чуть пораньше поразмыслить? Помните об этом постоянно.

ВКЛЮЧАЯ ПЯТЬ ФРОНТОВЫХ...

У известного в Кузбассе угольщика Андрея Тихоновича Мирошниченко — юбилей. 15 декабря ему исполнилось 90!

Это один из немногих здравствующих сегодня угольщиков, который прошел не только Великую Отечественную с самого первого дня. Он был еще и в числе победителей Японии! Призванный из горного техникума в 1940-м, он в предвоенные месяцы освоил саперное ремесло, а 22 июня был разбужен по тревоге на аэродроме под Минском — воздушный стрелок в экипаже пикирующего бомбардировщика Пе-2. Далее Калининский фронт, по три-четыре вылета в день, не пускали врага к Москве. В октябре над Тулой самолет подбит, сели, едва выбрались. Госпиталь. Курсы командиров противохимической службы — немец под Калинином применил газы, потребовались специалисты. Командир пехотного взвода, комроты, замначштаба полка по химзащите.

Прорвана блокада Ленинграда, Калининский фронт ликвидирован, а их 388-ю стрелковую дивизию доукомплектовали и отправили на Дальний Восток. И в назначенный час по сигналу 499-й стрелковый полк 388-й стрелковой дивизии, в котором служил старший лейтенант Мирошниченко, в составе 1-го Дальневосточного фронта начал громить Квантунскую армию на Сунгарийском направлении с первого же дня, с 8 августа 1945 года. Харбин. Мощнейший укрепрайон — в 50 метрах друг от друга стоят доты с двухэтажными амбразурами.

Старший лейтенант Мирошниченко получает ранение и контузию. После победы советские войска зимуют в Китае. Военно-врачебная комиссия, к дальнейшей службе не годен. Апрель 1946-го, он дома!

Восстановление на четвертом курсе техникума, диплом, шахта №3 треста «Кагановичуголь» в Киселевске. Начальник участка. 1950-й, Высшие инженерные курсы в Томском политехе.

А далее — начальник новой киселевской шахты № 13, выход на проектную мощность, на уровень добычи 9-10 тысяч тонн в сутки! Лично участвовал в механизации проходки мелкой нарезки, во внедрении изобретенной установки РУП-1. Второе «изобретение» — ликвидировать дымящий терриконик, породу вывозить в отвалы за город — впервые в Кузбассе!

Октябрь 1961-го. Управляющий трестом «Куйбышеуголь» в Новокузнецке. Шесть шахт из двенадцати — на грани останова, и за три года реконструированы шахты «Байдаевская», «Зырянская», им. Орджоникидзе, «Редаково-1» и «Редаково-2». Трест начал работать ритмично. Впервые в Кузбассе на «Абашевской 3-4» очистные бригады Е. Дроздецкого и П. Фролова успешно освоили мехкомплекс «Тула-1». Но трест упразднен, Андрей Тихонович — зам. управляющего трестом «Кузбассшахтоуглестрой» №1.

За 7 лет реконструированы шахты «Ягуновская» и им. Волкова в Кемерове, «Пионерка» и «Грамотеинская» в Белове. В Ленинске-Кузнецком построена фабрика угольного порошка. В Белове построены городские очистные сооружения и универмаг. Для горняков «Ягуновской» в сосновом бору вырос профилакторий. В Кемерове, Белове, Ленинске-Кузнецком и Анжеро-Судженске ежегодно вводилось по 14-15 тысяч кв. м жилья для горняков.

Андрей Тихонович оформил пенсию в 50 лет, однако ходил на работу еще целых два десятилетия. И лишь 15 декабря 1990-го, после чествования с 70-летием, работа была оставлена. Общий трудовой стаж достиг 54 лет, из которых 7 — армейские а 5 — фронтовые.

Сегодня он любит гулять в парке рядом с областной библиотекой им Федорова. И вспоминать былое в кругу семьи и друзей.

Сергей ПЕТИН